

Научная статья

УДК 398.22(=512.156)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-48-59

О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЛАМ И ШАМАНОВ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ ТУВИНЦЕВ

Ж. М. Юша

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются представления о вражде ритуальных специалистов – лам и шаманов – на примере устных рассказов, распространенных в условиях шаманско-буддийского синкретизма в устной традиции тувинцев. Если рассказы о борьбе между шаманами бытовали у других тюркских народов Сибири, то нарративы о противостоянии между шаманами и ламами встречаются только у тувинцев, исповедующих буддизм школы гелуг. Однако данная тема в фольклористике не становилась объектом рассмотрения, что подтверждает актуальность и новизну ее изучения, поскольку сюжеты о противоборстве служителей культа являются яркими показателями религиозного синкретизма тувинцев, у которых шаманство и буддизм в повседневной и обрядовой жизни играли большую роль. Цель статьи – рассмотреть особенности рассказов о противостоянии ламы и шамана, проанализировать представления тувинцев о буддийских ламах и шаманах на основе нарративов, определить семантическую направленность рассказов о борьбе служителей культа.

В работе выявлено, что устные рассказы о противостоянии ламы и шамана обладают признаками и функциями различных жанров сказочной прозы тувинцев, в которых наблюдается переплетение мифологических, исторических, шаманистских и буддийских сюжетов. Проанализирована специфика нарративов о борьбе ламы и шамана, рассмотрен их мифологический подтекст, содержащий комплекс шаманских и буддийских воззрений. Определено, что в нарративах поединки между ламой и шаманом обычно передаются следующими средствами: использованием звуковых особенностей обрядовых атрибутов, описанием магических обрядов и ритуальных действий имитативного характера. В некоторых случаях борьба служителей культа в рассказах почти не освещается, в них передается только краткая информация о чудесных способностях обоих противников. В работе использованы описательный, структурно-семантический и системный методы исследования. Перспективным направлением дальнейшего изучения устных рассказов о служителях культа, бытовавших у тюрко-монгольских народов, является анализ сюжетов их магического состязания в сравнительно-сопоставительном аспекте с традициями народов Сибири и Внутренней Азии.

Ключевые слова: тувинцы; шаманизм; буддизм; фольклорная традиция; специфика устных рассказов; служители культа; борьба лам и шаманов; мифологический подтекст; обрядовые атрибуты; религиозный синкретизм

Для цитирования: Юша Ж. М. О противостоянии лам и шаманов в устных рассказах тувинцев. *Этносоведение*. 2026, 3(43), С. 48–59. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-48-59>

Original article

On the confrontation between lamas and shamans in the oral tales of the Tuvans

Zhanna M. Yusha

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Abstract. The article examines notions of hostility between ritual specialists – lamas and shamans – using examples of oral stories common in the context of shamanic-Buddhist syncretism in the oral tradition of the Tuvans. While stories about conflicts among shamans existed among other Turkic peoples of Siberia, narratives about confrontations between shamans and lamas are found only among Tuvans who follow the Gelug school of Buddhism. However, this topic has not been addressed in folkloristics, which confirms the relevance and novelty of its study, since plots about confrontations between religious practitioners serve as vivid indicators of religious syncretism among the Tuvans, for whom shamanism and Buddhism played a significant role in everyday and ritual life. The aim of the article is to examine the features of the stories about the confrontation between a lama and a shaman; to analyze the Tuvans' perceptions of Buddhist lamas and shamans based on these narratives; and to determine the semantic orientation of the stories about the struggle between religious practitioners. The study revealed that oral accounts of the confrontation between a lama and a shaman possess the characteristics and functions of various genres of non-fairy-tale prose of the Tuvans, in which an intertwining of mythological, historical, shamanic, and Buddhist plots is observed. The specificity of narratives about the struggle between the lama and the shaman is analyzed, and their mythological subtext, containing a complex of shamanic and Buddhist views, is considered. It is determined that in the narratives, duels between a lama and a shaman are usually conveyed through the following means: the use of the sound characteristics of ritual attributes, the description of magical rites, and ritual actions of an imitative nature. In some cases, the struggle of the cult servants in the stories is barely covered; they only convey brief information about the miraculous abilities of both opponents. The study used descriptive, structural-semantic, and systemic research methods. A promising direction for further study of oral narratives about cult practitioners among Turkic-Mongol peoples is the analysis of the plots of their magical competitions in a comparative aspect with the traditions of the peoples of Siberia and Inner Asia.

Key words: Tuvans; shamanism; Buddhism; folk tradition; specifics of oral storytelling; cult servants; struggle between lamas and shamans; mythological subtext; ritual attributes; religious syncretism

For citation: Yusha, Zh. M. On the confrontation between lamas and shamans in the oral tales of the Tuvans. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 48–59 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-48-59>

Введение

Распространение буддизма в Центральной Азии, в т. ч. и на территории Тувы, оказалось достаточно долгим и сложным, носившим постепенный, волнообразный характер. Самая первая волна буддизма в VI–IX вв. была незначительной; вторая волна во второй половине XIII в. оказалась более успешной, хотя буддизм стал религией правящих кругов. Третья волна в XVI в. была самой сильной и решающей (Монгуш, 2001: 35). Как отмечают исследователи, к началу XX в. в Туве насчитывалась огромная армия служителей культов, которые, с одной стороны, были представлены ламами (около 4 тыс. чел.), с другой – шаманами. В отдельных хошунах было больше шаманов, чем лам (Дьяконова, 1981: 129), шаманы долгое время в народе оставались востребованными, поскольку «шаманизм был характерным для религиозной идеологии тувинских племен и их исторических предков в течение многих столетий, что установлено по письменным источникам и по археологическим материалам» (Дьяконова, 1975: 131).

По сравнению с другими регионами Сибири, где проходила жесточайшая борьба в религиозной сфере за влияние среди местного населения, в Туве шаманизм и буддизм мирно ужились в короткие сроки. Их сосуществование имело предельно толерантные формы: со стороны

буддийского духовенства тувинские шаманы не подвергались жесточайшим гонениям. В тувинской среде буддизм, приспосабливаясь к культовой практике шаманизма, стал использовать и внедрять в свою сферу элементы шаманской практики. Это же явление наблюдалось и у бурят, когда служители буддийской религии прибегли к «приспособлению к местным условиям, включению в ламаистскую систему бурятских шаманских культов» (Михайлов, 1980: 181). Среди тувинцев нередко встречались браки между ритуальными специалистами двух разных конфессий – шаманками и ламами (Кон, 1936; Дьяконова, 1975), что было одним из свидетельств мирного сосуществования двух религиозных верований.

К началу XX в. в условиях буддийско-шаманского синкретизма в устной традиции тувинцев были широко распространены рассказы о служителях культа. Так, распространенными были устные рассказы о магических состязаниях как между двумя шаманами, так и о противостоянии лам и шаманов, обладающих различными магическими способностями и враждующих между собой, что явилось одним из факторов бытования религиозного синкретизма. Схожие рассказы о борьбе магических специалистов зафиксированы исследователями в фольклорной традиции многих народов Сибири: у алтайцев, якутов, эвенков – о борьбе двух шаманов (Алексеев, 2004); у долган и якутов – о борьбе шамана и колдуна (Религиозные представления долган, 2023: 530–534) как результата длительных контактов с русским населением.

Традиционным верованиям, различным аспектам шаманизма и буддизма в жизни и культуре тувинцев посвящены публикации многих исследователей: Н. А. Алексеева (Алексеев, 1984), В. П. Дьяконовой (Дьяконова, 1981), М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1987), М. В. Монгуш (Монгуш, 2001), О. М. Хомушку (Хомушку, 1998), А. С. Донгак (Донгак, 2018) и др. Однако рассказы о противостоянии служителей культа, бытующие в тувинской среде, до настоящего времени не становились объектом рассмотрения, что подтверждает актуальность и новизну их изучения. Цель статьи – рассмотреть специфические особенности рассказов о противостоянии ламы и шамана, проанализировать представления о буддийских ламах и шаманах на основе нарративов; выявить семантическую направленность рассказов о борьбе служителей культа. Источниковой базой работы являются опубликованные тексты в фольклорных сборниках (Кенин-Лопсан, 2002; 2010; Тыва улустун мифтери, 1995; Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010), а также архивные материалы тувиноведа В. П. Дьяконовой (1927–2011), хранящиеся в Архиве МАЭ РАН (АД). В работе использованы описательный, структурно-семантический, системный методы исследования. Перспективным направлением дальнейшего изучения нарративов является анализ сюжетов магического состязания служителей культа в сравнительно-сопоставительном аспекте с традициями народов Сибири и Внутренней Азии.

Специфика рассказов о борьбе ламы и шамана

Рассказы тувинцев о борьбе лам и шаманов (*лама, хам дугайында чугаалар*) повествуют об их невероятных и магических способностях, проявляющихся в моменты их противостояния, из которого победителем выходит более сильный; в них отражается тесная связь с религиозными воззрениями, поверьями и запретами, в формировании которых важную роль играла не только буддийская практика, но и шаманская мифология. Подобные нарративы о борьбе лам и шаманов также зафиксированы у китайских и монгольских тувинцев (Юша, 2012). Устные рассказы на эту тему до сих пор актуальны в тувинской среде, нередко они имеют практическую цель – помогают решить вопрос в выборе служителя культа для совершения обрядовых практик, поскольку в рамках религиозного синкретизма большинство населения в трудных жизненных ситуациях обращается и к ламам, и к шаманам; считается, что если не помог лама, то надо идти к шаману (ПМА, 2020).

Устойчивым признаком этих рассказов является установка на достоверность, что подтверждает серьезное отношение аудитории к услышанному; несмотря на их фантастичность и вымышленность, во многих случаях у слушателей наблюдается глубокая вера в реальность описываемых событий. По этому поводу Е. С. Новик, работая с шаманскими легендами северных

народов, подчеркивала, что: «постоянно приходится иметь в виду, что, как бы ни были фантастичны события рассказа, как бы ни были близки сюжеты к классическим сказочным, у нас нет оснований считать их “сказками”, если информант относит их к разряду достоверных историй» (Новик, 1984: 231).

По своей структуре и семантической наполненности рассказы о борьбе между служителями культа имеют признаки и функции разных фольклорных жанров тувинцев: мифологического рассказа (*бурун чугаа*), легенды (*тоолчургу чугаа*), устного рассказа (*чугаа*) и предания (*тоогу чугаа*), что указывает на архаичный синкретизм фольклорных произведений. В них даже в пределах одного текста наблюдается взаимодействие и вкрапление признаков перечисленных жанров в основной сюжет повествования, что создает его особую композицию и единую семантическую направленность. Далее рассмотрим основные черты указанных жанров, проявляющиеся в устных рассказах о служителях культа (см. рис. 1).

Рис. 1. Современная тувинская шаманка (фото Ж.М. Юша)
Республика Тыва, г. Кызыл. Сентябрь, 2020 г.

Признаки устного рассказа. В нарративах содержится характеристика обрядовой практики ламы и шамана: какие ритуалы они проводят, в каких обрядах они сильны, чем могут помочь людям. Обычно рассказчики стремятся подтвердить правдивость сообщаемого отсылкой к авторитетным людям своей округи. Упоминаются местные топонимы, имена реальных шаманов и лам, живших в определенной местности. В рамках традиции тибетского буддизма школы гелуг к именам монахов добавляются буддийские титулы (*ловун*, *хелин*), указываются узкие специализации лам (гадатель, врачеватель), что придает рассказам эффект достоверности. Часто в нарративах приводятся не только названия шаманских и буддийских атрибутов, но и перечисляются названия обрядов, которые проводятся главными героями рассказа.

Во многих текстах говорится об огромном уважении шаманов и лам со стороны местных жителей, что является одним из факторов признания их магической силы и незаурядных

способностей. Нередко описывается не только реальная картина подготовки шамана к предстоящему камланию или буддийскому обряду, но и присутствует процесс изготовления необходимых ритуальных предметов, используемых шаманом или ламой для достижения поставленных целей определенного ритуала.

Признаки мифологического рассказа. В нарративах о борьбе лам и шаманов содержатся мифологические представления о сверхспособностях и избранности ритуальных специалистов, присутствуют архаические поверья о духах-помощниках шаманов в виде зверей, животных и птиц. Особое внимание уделяется поединкам шаманов и лам с использованием различных магических приемов и средств, в ходе которого сильный ритуальный специалист убивает ('съедает') слабого противника каким-либо сверхъестественным способом. В рассказах содержатся представления о том, что соперничающие ламы и шаманы могут бороться между собой независимо от их местоположения и дальности расстояний, поэтому обычно поединок между ритуальными специалистами происходит без их физического участия, борьба между ними ведется только с помощью ритуальных атрибутов. В нарративах описываются звуки шаманских атрибутов и буддийских предметов, которые являлись орудиями их борьбы или предметами защиты от нападения врага. В поединках шамана и ламы часто упоминается черный ворон, который в тувинской мифологии выступает верным помощником шамана. В рассказах присутствует вера в магию вербальных компонентов шаманского и буддийского ритуалов, в действенность обрядовых действий имитативного характера, направленных против врага. Содержатся мифологические воззрения о наличии загробной жизни, а также о способности шамана и ламы свободно перемещаться между Средним и Нижним мирами, чтобы отомстить своим обидчикам.

Признаки легенды. Нарративы о противостоянии ритуальных специалистов обладают чертами легенды. В них ритуальные специалисты приобретают гиперболические и фантастические черты, отличающие их от обычных людей, хотя для слушателей эти рассказы все так же остаются достоверными и невыдуманными историями. Средствами борьбы шамана и ламы являются их ритуальные предметы: шаманский бубен, буддийские колокольчики, барабаны и гонг. Показываются случаи демонстрации силы и мощи ритуальных специалистов посредством магических приемов, владение чудесными способностями, представления об избранности шамана, его роли как посредника между миром духов и людей.

Признаки предания. В сюжетах о противоборстве лам и шаманов присутствуют черты исторических преданий, в которых главным признаком является обращенность в прошлое. Описываются произошедшие знаменательные события и реальные факты из жизни знаменитых лам или шаманов, часто упоминаются местные буддийские храмы, указываются реальные топонимы в разных районах Тувы.

Таким образом, устные рассказы о борьбе лам и шаманов обладают сложной композиционной структурой, объединяют в себе признаки нескольких фольклорных жанров, поэтому в одном повествовании наблюдается переплетение мифологических, исторических, шаманистских и буддийских сюжетов. Статус этих повествований во многом зависит от мастерства рассказчика, от времени исполнения и аудитории слушателей. Подобные тексты несказочной прозы коренных народов Сибири Е. Н. Кузьмина называет амфотерными нарративами – повествованиями, которые объединяют в себе художественные признаки и мифов, и легенд, и преданий (Кузьмина, 2008: 71). В фольклорной традиции тувинцев рассказы о борьбе лам и шаманов распадаются на две тематические подгруппы: 1) «лама одержал победу над шаманом»; 2) «шаман одержал победу над ламой». Рассказы первой подгруппы мы относим к легендам о буддийских священнослужителях; второй подгруппы – к шаманским легендам.

Описание борьбы ламы и шамана в нарративах

Магическое состязание двух шаманов в своей силе тувинцы называли *хамнар чижсири* – 'поедание шаманами друг друга'. Это понятие, изначально характерное для шаманской традиции, с распространением буддизма в тувинской среде стало означать не только борьбу между шама-

нами, но и могло употребляться в отношении служителей культа – враждующих ламы и шамана. Тувинцы верили, что в борьбе ламы и шамана побеждает более сильный ритуальный специалист, который мог убить более слабого каким-либо сверхъестественным способом. Считали, что столкновения между ламой и шаманом происходили в случаях соперничества или личной неприязни друг к другу; в случае борьбы между шаманами основными причинами были – спор о мастерстве камлания, словесная ссора, борьба за плату при лечении больного (Кенин-Лопсан, 2009: 281).

В рассказах наиболее излюбленным приемом показа поединка между ламой и шаманом являлось описание борьбы, проходившей без физического участия самих ритуальных специалистов. Обычно действия противников в текстах представлены с помощью звуковых ассоциаций шаманских и буддийских атрибутов: «(...) в окрестностях его аала [гул] шаманского бубна раздаваться стал, крики черного ворона вместе с ним доносились. В ту же минуту гонг, колокольчики [и] барабаны ламы звучать начинали. И черный ворон, в аал попасть не сумев, и шаманский бубен, в аал попасть не сумев, вниз по реке с гулом [и] криками спускались» (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 175).

Для неподготовленного слушателя приведенный рассказ может быть непонятным. Однако для носителей традиции данное повествование представляет собой картину противостояния ламы и шаманки, поскольку здесь представлены звуковые особенности их обрядовых предметов, которые использовались служителями культа в их ритуальной практике. Орудием борьбы шамана выступают бубен и его дух-помощник – черный ворон, которые должны были уничтожить буддийского служителя. Для обряда проклятия на головном уборе магического специалиста использовалась символика птиц, которые обладали способностью причинять вред людям и проклинать их (Юша, 2025: 119). Предметами защиты ламы являются его ритуальные атрибуты – гонг (*шаң*), колокольчики (*кеңгирге, коңга*), барабаны (*дамбыра*), применявшиеся для чтения ежедневных мантр, а также служившие для обрядовых целей музыкальным кодом.

Борьба между шаманом и ламой обычно в рассказах строится как на изложении шаманистских верований, так и на элементах буддийского мировоззрения. Например, в следующем рассказе подчеркивается могущество ламы, который с помощью религиозных текстов и атрибутики выходит из состязания победителем: «Однажды Ловуна-Гадателя вдруг рвать начало и из него мышку вытошнило. Лама мышку проверил, эта мышка – дух [-помощник] Чааран-шаманки, оказалось. Лама сразу священную книгу читать начал, молебен совершил, в гонг, бубен, колокольчик, барабан подряд бил, проклятие шаманки [в виде] духа-мышки приманив, обратно отправил. Вскоре после этого старуха-шаманка внезапно заболела [и] в страну своих духов[-предков] отправилась» (Мифы, легенды, предания тувинцев 2010: 175). В приведенном тексте также отражены воззрения тувинцев о шаманском проклятии, отправленном противнику в виде живой мыши, поскольку в обрядовой культуре имеется ритуал проклятия, в котором мышь является ‘орудием’ и объектом передачи проклятия, направленного на противника (Юша 2007: 106). В рассказе присутствует и буддийское понятие о причинно-следственных связях: о том, что насланное зло в будущем непременно возвратится отправителю; содержится вера в действенность буддийских практик, совершенных ламой.

Часто в рассказах упоминается что, несмотря на старания шаманов погубить ламу, последний смог отразить их многочисленные нападки. Однако в них отсутствуют подробности их борьбы, кратко перечисляются лишь действия шаманов, обладающих чудесными способностями. Между Дарган-Хамбы и сильными шаманами Хемчика была борьба, они не смогли одолеть его [Дарган-Хамбы], говорят. Когда Хамбы выезжал на путешествия или ездил куда-либо, его противники шаманы показывали удивительные вещи, всячески преграждали [ему] дорогу, но не смогли его одолеть, так говорят¹ (Тыва улустун мифтери, 1995: 100).

¹ Здесь и далее перевод автора

Повествования могут содержать способы ведения борьбы ламы против шамана. Например, в тексте описывается буддийский ритуал имитативного характера, когда лама изготавливает фигуру человека из теста или подручных материалов, подходящих целям того или иного обряда, в данном случае направленного против врага. *Однажды Ловун-Хелин из коры тополя изготовил фигурку старой шаманки, ее приодев, посадив фигурку в маленькую лодочку, в быструю воду реки Ишкин вниз по течению спустил. Из коры тополя, сделанная фигурка шаманки Хам-Кадай, вниз по реке поплыла. Затем лама читал хурум, говорят. Потом через несколько дней шаманка Хам-Кадай в водах Хемчика утонула, такая [весть] пришла* (Тыва улустун мифтери, 1995: 102). Описанный обряд направлен на уничтожение шаманки, чтобы она соответствующим образом утонула в реке. Рассказчик акцентирует, что для подкрепления совершенных ламой акциональных действий должна сработать имитативная магия, основанная на принципе «подобное вызывает подобное». Вербальный элемент (*хурум*) также является значимым компонентом буддийского ритуала, поэтому в тексте имеется упоминание об обращении ламы к религиозным текстам, которые должны содействовать задачам проведенного ритуала.

В нарративах тувинцев буддийский служитель также может уничтожить духов-помощников шаманки с помощью определенных обрядовых действий: *Дарган-Хамбы, [чтобы] бука (злого духа – Ж.Ю.), Чааран-шаманкой в слепого теленка превращенного, усмирить, совершал обряд проклятия, в гонг бил, в колокольчики звонил, трубил, сор использовал, буков шаманки, всех вместе в два горячих чугунных котла загнав, другим котлом накрыв, уничтожил* (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 172–173). В данном примере лама для защиты от злых сил, насланных шаманом, активно использует буддийские ритуальные атрибуты: гонг, колокольчики, сор-пирамидку, которые призваны противодействовать шаманскому проклятию. Но в то же время буддийский служитель использует прием, характерный для шаманской практики: с помощью двух котлов и схожих обрядовых действий лама уничтожает невидимых для обычного человека злых духов, направленных на него. Возможно, проведение шаманского обряда приписано герою повествования самим рассказчиком, хорошо знакомым с шаманской практикой, поскольку в тувинском шаманизме данный ритуал с применением котлов присутствует (Кенин-Лопсан, 2002).

В рассказах, зафиксированных на трансграничной с Монголией территории, героями выступали тувинские и монгольские шаманы и ламы, поскольку на возникновение подобных повествований повлияли тесные контакты, тувинско-монгольское двуязычие и брачные связи. В повествованиях данного региона присутствуют рассуждения о магической силе как шамана, так и буддийского ламы. В материалах В. П. Дьяконовой имеется краткий пересказ рассказа о сильном шамане Лудупе из рода чооду, который приехал в монгольский монастырь и победил своими чудесными способностями ученого ламу, т. к. у него были сильные духи-помощники (АД, фонд 41, № 26, л. 83).

Подобные представления о великих шаманах (*улуг хам*), к которым население обращалось по разным житейским вопросам, устойчиво сохраняются в тувинской среде, но в основном с отсылкой на историческое прошлое. *«Я слышал от старых людей, что раньше в наших краях были великие шаманы, которые превосходили буддийских лам. Они обладали врожденной шаманской силой, у них были сильные духи, хотя они нигде не учились и были людьми безграмотными. Но они обладали большой силой, нередко вступали в борьбу с ламами, из которой выходили победителями. Шаманы, устроив соответствующие обряды, могли поднять на ноги даже тяжело больного человека. Говорят, у нас были подобные удивительные случаи, когда люди получали реальную помощь не от лам, а от шаманов. Шаманы прошлого были настоящими шаманами, у них шаманская сила была от рождения наследственным даром»* (ПМА 2024).

В следующем тексте содержатся рассуждения о превосходстве буддийского ламы над шаманкой, которая вредила жителям данной местности. *«Шаманка, по происхождению монголка, жила в Нарыне. И была очень злая, если люди ей в чем-нибудь отказывали или удовлетво-*

ряли ее просьбу, она посылала свои онгуты этим людям и приносила им беду. Один лама ехал по приглашению в юрту, в северную сторону и отдыхая там, он узнал об этой шаманке. Он приехал к ней и попросил ее пошаманить ему. Во время ее камлания он сидел и смотрел на нее. После отъезда ламы из юрты шаманки исчезли все духи-помощники и ее шаманство исчезло. И она стала простой женщиной. Такое превращение сделал этот лама, который был таким сильным, что смог уничтожить всех ее духов-помощников. Этот лама был на уровне хутухты ламы и он якобы мог убрать все это тайком» (АД, фонд 41, № 26, л. 82–83). В данном примере для показа силы и могущества, статуса и учености ламы приводится слово ‘хутухта’ – важный буддийский титул, присваиваемый перерожденцам (хубилганам) (рис. 2).

Рис. 2. Буддийский монастырь «Тубтен Шедруб Линг» (фото Ж.М. Юша)
Республика Тыва, г. Кызыл. Июль, 2025 г.

В тувинской среде существовали представления о том, что шаман и лама могут иметь равную магическую силу. В подобных случаях в нарративах описываются ситуации, когда противостояние шамана и ламы завершается их примирением. *Шаман Ямбил Чооду поссорился с одним монгольским ламой и послал на него свой холбук (стрела шамана). Ламу настиг холбук, когда он сидел на олбуке (специальная подстилка для лам), дарованном ему богиней Хатыма (персонаж из пантеона ламаистов). Когда лама чуть сдвинул свое колено с олбука (ламу, сидящего на нем, ничего не могло поразить), холбук Ямбил Чооду поразил. Но так как у этого ламы был приготовлен балин (культовый предмет лам) той же силы, что и холбук шамана, им пришлось помириться* (Дьяконова, 1981: 151).

Встречается группа текстов, в которых в результате борьбы ламы и шамана умирают оба ритуальных специалиста, что также свидетельствует о равной силе противников. В следующем рассказе повествуется о вражде знаменитого шамана и ламы-настоятеля Сесерлигского храма Шожунчап-Ловуна, которые своими силами не смогли завершить борьбу, поэтому в

нее вмешались их соратники: «... [Шаман Хам-Хунду] со знаменитым шаманом Олен-Хамом объединившись, и днем, и ночью стали вместе шаманить. Вскоре у Шоэжунчапа-Ловуна вздулся живот. Ламы буддийского храма молебны-проклятия начали делать (...). [Шоэжунчап]-Ловун умер. Шаман [Хам-Хунду] тоже после этого умер» (Тыва улустун мифтери, 1995: 98).

Согласно канонам обрядовой традиции, в нарративах встречается подготовка шамана к камланию: «[Когда] Чааран-шаманка услышала, [что] Дарган-Хамбы на Хемчик прибыл, [она] свое снаряжение-бубен высушила, [себя] дымом можжевельника окурила, в юрте своих шаманских идолов развесила. «Нищему ламе почему я сдаться должна, его одолеть можно, оказывается. Наоборот, ламу самого съем, – хвасталась [шаманка]...» (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 170–171). В приведенном примере обрисован процесс предстоящего обряда – сушка бубна, окуривание дымом можжевельника ритуального специалиста, в результате чего как шаман, так и обрядовый предмет приобретали ритуальную чистоту, чтобы путешествовать по другим мирам Вселенной, встречаться, договариваться и бороться с различными духами для успешного камлания (Юша, 2021: 33). Согласно мифологическим представлениям, в речи шаманки предстоящая борьба с ламой определяется как ‘съесть ламу’ в значении ‘уничтожить его в поединке’.

В рассказах присутствуют шаманистские представления о загробной жизни по образу земной, когда даже после смерти служители культа могут приходить в мир людей, чтобы продолжить борьбу с противником с помощью обрядовых предметов: [Когда] гул бубна [и] крики черного ворона подошли, к окрестностям аала ушедшего к бургану ламы приблизились, из его аала гонг, бубен, колокольчик, барабан загремели. Люди все это слышали. Вскоре вниз по Верхнему Ишкуну звуки бубна, чуть слышимые, крики черного ворона раздавались [и] старушечий голос: «Халак-халак!» – слышался. Чааран-шаманка, [и] когда жив был, Ловуна-Гадателя не одолела, [и когда он] умер, ламу шаманка не одолела, оказывается (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 177).

Схожий вариант текста опубликован К. В. Пименовой, в котором умерший шаман возвращается в мир людей, к жилищу своего врага: И каждый вечер на закате, когда начинается вечерняя дойка коров, прилетал к стоянке ламы с шумом бубна ворон (кускун). И через некоторое время улетал обратно с криками: халак-халак! (ах, ах – выражение сожаления). И доярки со стоянок слышали, как каждый раз за птицей летел шепот ламы (Пименова, 2006: 107). В приведенном примере отразились поверья тувинцев о том, что сунезин – жизненная сила шамана – остается до трех лет в Среднем мире возле своего захоронения.

Судя по рассказам, вражду шамана и ламы не останавливает даже смерть обоих. По материалам В. П. Дьяконовой, у тувинцев были распространены поверья о наличии двух душ у буддийского ламы. Считалось, что для души ламы после его смерти шаман представлял реальную угрозу. Шаман мог остановить продвижение его первой души на небеса и задержать эту душу в данной местности, где она превращалась в злого духа (Дьяконова 1975: 94). Остатки подобных воззрений присутствуют в некоторых рассказах, где повествуется о том, что сунезин умершего шамана пытается поймать сунезин погибшего ламы, с кем он враждовал при жизни. ...Лама тоже был старым и где-то через два года умер. Когда на похоронах выносили тело, сунезин шамана захотел перехватить сунезин ламы. Ученики ламы очень испугались, когда к телу подлетел большой ворон и послышался шум борьбы. Но и в этот последний раз лама смог прогнать шамана. Тогда и шаман через некоторое время успокоился и перестал летать (Пименова, 2006: 107).

Кроме вышеизложенных примеров, в рассказах в краткой форме могут присутствовать объяснения победы в поединке того или иного служителя культа. Так, рассказчики главным условием победы ламы указывали на наличие у него духовного образования по сравнению с необразованным шаманом; они считали, что ритуальная сила шамана уступает буддийскому ламе. Победу шамана в тувинской среде объясняли тем, что шаман – избранник духов, который имеет

сильных духов-помощников; он лучше владеет магическими приемами и умеет общаться с различными духами Верхнего, Среднего и Нижнего миров.

Заключение

В тувинской среде в условиях шаманско-буддийского синтеза бытовали рассказы о борьбе ламы и шамана, демонстрирующие могущество и силу либо буддийских лам, либо шаманов. Анализ структуры текстов показал, что в этих нарративах использована фольклорная схема, которая изначально была характерна для описания борьбы двух шаманов, соперничавших между собой. По своей структуре и семантике рассказы о борьбе лам и шаманов объединили в себе признаки и функции нескольких жанров несказочной прозы тувинцев. Однако, несмотря на их некоторую вымысленность и фантастичность, они считаются достоверными историями. В нашей классификации эти рассказы образуют две тематические подгруппы: «лама одержал победу над шаманом»; «шаман одержал победу над ламой». Рассказы первой подгруппы относим к легендам о буддийских священнослужителях; второй подгруппы – к шаманским легендам. В нарративах поединков между ламой и шаманом обычно передается использованием специфических звуковых особенностей обрядовых атрибутов, проведением магических обрядов и ритуальных действий имитативного характера, что отражает противостояние буддизма и шаманизма в лице конкретных ритуальных специалистов. Семантическая направленность и мифологический подтекст, содержащиеся в рассказах, отражают комплекс шаманских и буддийских воззрений, характерный для тувинцев в условиях религиозного синкретизма. Перспективным направлением дальнейшего изучения устных рассказов о служителях культа, бытовавших у тюрко-монгольских народов, является анализ преемственности сюжетов их магического состязания в сравнительно-сопоставительном аспекте с традициями народов Сибири и Внутренней Азии.

Сокращения

АД – Архив В. П. Дьяконовой в МАЭ РАН. Ф. 41. Оп. 1. Д. 26.

ПМА – полевые материалы автора, зафиксированные в Туве в 2020 г.

Литература

1. Алексеев, 1984 – Алексеев Н.А. *Шаманизм тюркоязычных народов Сибири*. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
2. Алексеев, 2004 – Алексеев Н.А. *Якутские мифы = Саха өс-номохторо*. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с. (на якутском и рус. яз.)
3. Донгак, 2018 – Донгак А.С. Легенды и устные рассказы об истории распространения буддизма в тувинском фольклоре. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2018, 1(35), С. 113–120. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-35-1-113-120>
4. Дьяконова, 1975 – Дьяконова В.П. *Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник*. Л.: Наука, 1975. 164 с.
5. Дьяконова, 1981 – Дьяконова В.П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе. В кн.: Вдовин И.С. (ред.) *Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири*. Л.: Наука, 1981. С. 129–164.
6. Кенин-Лопсан, 1987 – Кенин-Лопсан М.Б. *Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в.* Новосибирск: Наука, 1987. 162 с. (на тувинском и рус. яз.)
7. Кенин-Лопсан, 2002 – Кенин-Лопсан М.Б. *Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарның торулгалары*. Кызыл: Новости Тувы, 2002. 538 с. (на тувинском и рус. яз.)
8. Кенин-Лопсан, 2009 – Кенин-Лопсан М.Б. *Тувинские шаманы*. М.: Маска, 2009. 238 с.
9. Кенин-Лопсан, 2010 – Кенин-Лопсан М.Б. *Кара дээрниц тыныжы = Дыхание Черного Неба: Мифологическое наследие тувинского шаманства*. Кызыл: Тув. книж. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2010. 391 с. (на тувинском и рус. яз.)
10. Кон, 1936 – Кон Ф.Я. *За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию*. М.: Сов. писатель, 1936. 360 с.

11. Кузьмина, 2008 – Кузьмина Е.Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники народов Сибири и Дальнего Востока». В кн.: Кузьмина Е.Н. (ред.) *Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всероссийской науч. конф. (Новосибирск, 4–7 ноября, 2008)*. Новосибирск: АРТА, 2008. С. 57–71.
12. Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010 – Алексеев Н.А., Куулар Д.С., Самдан З.Б., Юша Ж.М. *Мифы, легенды, предания тувинцев*. Новосибирск: Наука, 2010. 373 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28).
13. Михайлов, 1980 – Михайлов Т.М. *Бурятский шаманизм. История. Структура. Социальные функции*. Новосибирск: Наука, 1980. 288 с.
14. Монгуш, 2001 – Монгуш М.В. *История буддизма в Туве: (вторая половина VI – конец XX в.)*. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
15. Новик, 1984 – Новик Е.С. *Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур*. М.: Наука, 1984. 304 с.
16. Пименова, 2006 – Пименова К.В. Сакральные места долины р. Верхний Ишкин (Тува): локальный фольклор и традиции поклонения. В кн.: Соколова З.П. (ред.) *Полевые исследования института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН 2004 г.* М.: Наука, 2006. С. 96–112.
17. Религиозные представления, 2023 – Дьяченко В.И., Павлинская Л.Р. (ред.) *Религиозные представления долган*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2023. 692 с. (Серия «Кунсткамера Архив». Т. 11)
18. Тыва улустун, 1995 – Арапчор А.Д. (ред.) *Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары* (Тувинские мифы и легенды): Памятники тувинского фольклора. Кызыл: Тув.книж.изд-во, 1995. 139 с. (на тувинском яз.)
19. Хомушку, 1998 – Хомушку О.М. *Религия в истории культуры тувинцев*. М.: ИЭА РАН, 1998. 177 с.
20. Юша, 2007 – Юша Ж.М. Магические формулы проклятий у тувинцев. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007, (4), С. 106–108.
21. Юша, 2012 – Юша Ж.М. Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам полевой работы 2011 г.). *Сибирский филологический журнал*. 2012, (3), С. 24–29.
22. Юша 2024 – Юша Ж.М. Представления о шаманских головных уборах. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2024, 3(45), С. 113–122. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-3-113-122>
23. Юша 2025 – Юша Ж.М. Камлание шамана в нарративах тувинцев. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2025, 1(50), С. 31–39. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2025.50.1.002>

References

1. Alekseev NA. *Shamanism of the Turkic-speaking peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. 233 p. (in Russian)
2. Alekseev NA. *Yakut myths*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2004: 451. (in Yakut and Russian)
3. Dongak AS. History of Buddhism's Dissemination in Tuvan Folklore: Legends and Oral Narratives. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RA of Sciences*. 2018, 1(35), pp. 113–120 (in Russian). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-35-1-113-120>
4. Dyakonova VP. *The Funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source*. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 162 p. (in Russian)
5. Dyakonova VP. Tuvan shamans and their social role in society. In: Vdovin IS. (ed.) *Problems of the public consciousness of the indigenous peoples of Siberia*. Leningrad: Nauka Publ., 1981, pp. 129–164. (in Russian)
6. Kenin-Lopsan MB. *Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late 19th – early 20th century*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 162 p. (in Russian)
7. Kenin-Lopsan MB. *Myths of Tuvan Shamans*. Kyzyl: News of Tuva Publ., 2002. 538 p. (in Tuvan and Russian)
8. Kenin-Lopsan MB. *Tuvan shamans*. Moscow: Maska Publ., 2009. 238 p. (in Russian)
9. Kenin-Lopsan MB. *Breath of the Black Sky: The Mythological Heritage of Tuvan Shamanism*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. named by Yu.Sh. Kyunzegesha, 2010. 391 p. (in Tuvan and Russian)
10. Kon FYa. *In Fifty Years: Expedition to Soyotyа*. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1936. 360 p. (in Russian)

11. Kuz'mina EN. The non-tale prose of the peoples of Siberia: the experience of preparing volumes of the series "Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East". In: Kuz'mina EN. (ed.) *Current Issues of Siberian Folkloristics: Materials of the All-Russian Scientific Conference* (Novosibirsk, November 4–7, 2008). Novosibirsk: ARTA Publ., 2008, pp. 57–71. (in Russian)
12. Alekseev NA., Kuular DS., Samdan ZB., Yusha ZhM. (eds.) *Myths, legends, and tales of the Tuvans*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2010. 373 p. (in Tuvan and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 28)
13. Mikhailov TM. *Buryat shamanism. History. Structure. Social functions*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. 288 p. (in Russian)
14. Mongush MV. *History of Buddhism in Tuva: (second half of the 6th – end of the 20th century)*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 200 p. (in Russian)
15. Novik ES. *Ritual and Folklore in Siberian Shamanism*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 304 p. (in Russian)
16. Pimenova KV. Sacred places of the Upper Ishkin River valley (Tuva): local folklore and traditions of worship. In: Sokolova ZP. (ed.): *Field research of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2004*. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 96–112. (in Russian)
17. D'jachenko VI., Pavlinskaya LR. (eds.) *Religious beliefs of the Dolgans*. Sankt-Peterburg: MAE RAN Publ. 2023. 692 p. (in Russian) (Series "Kunstkamera Archive". Vol. 11).
18. Arapchor AD. (ed.) *Tuvan myths and legends: Monuments of folklore of the Tuvan Folklore*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1995. 139 p. (in Tuvan)
19. Khomushku OM. *Religion in the history of Tuvan culture*. Moscow: IEA RAS Publ., 1998. 177 p. (in Russian)
20. Yusha ZhM. Magical formulas of curses among Tuvans. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2007, (4), pp. 106–108. (in Russian)
21. Yusha ZhM. Folklore of the Tuvinians of China and Mongolia (based on the results of the fieldwork 2011). *Siberian Journal of Philology*. 2012, (3), pp. 24–29. (in Russian)
22. Yusha ZhM. The Tuvan Depictions of Shamanic Headdresses. *Tomsk Journal Linguistics and Anthropology*. 2024, 3(45), pp. 113–122 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-3-113-122>
23. Yusha ZhM. Shaman's Rites in Tuvan Narratives. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2025, 2(50), pp. 31–39 (in Russian). <https://doi.org/10.25693 / SVGV. 2025.50.1.002>

Об авторе

Юша Жанна Монгеевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии РАН, ORCID: 0000-0002-4076-4553, e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

About the author

Zhanna M. Yusha, Dr. Sci. (Philology), Leading Research Fellow, Department of Ethnography of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-4076-4553, e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Конфликт интересов / Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 03.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 24.08.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026